- Это что, еще один рецепт Розмэйн? Вкус отличен от тех, что мы ели во время весеннего молебна, - заметил Экхарт, поедая сладости, известные как ”печенье“, которые подавались в поместье Фердинанда.

- Похоже, в дороге им не хватало нужной кухонной утвари. Не говоря уже о том, что они приправлены чайными листьями, - ответил Фердинанд. Ему нравились печенье к чаю, поэтому всякий раз, когда Розмэйн заставляла своего повара печь печенье в храме, она готовила и на его долю тоже.

- Она сунула мне в руки несколько конфет, когда я сказал, что встречусь с Карстедтом в своем поместье, - продолжал Фердинанд. - Сладости Розмэйн обладают самыми разными вкусами, что позволяет ей делать те, которые наиболее подходят предпочтениям тех, с кем она встречается. По ее словам, этот фунтовый кекс был испечен с использованием пропитанных вином фруктов, и больше всего любим Карстедта. Я и сам иногда его ем, потому что в нем мало сладости и много вина.

Экхарту показалось немного странным, что ему рассказывают о предпочтениях отца такие факты, о которых даже он сам не знал. Розмэйн, до недавнего времени, когда ее провели через крещение как его сестру была простолюдинкой с Пожирателем. Вскоре после этого она была удочерена эрцгерцогом и эрцгерцогиней, чтобы принести Эренфесту богатство в виде маны и развитии печатного дела.

- Розмэйн выросла в храме и поэтому встречалась с отцом лишь несколько раз, - сказал Экхарт, следуя легенде, о том что Карстедт был ее биологическим отцом. - И все же она так хорошо знает его вкусы. Я просто не могу этого понять как это возможно.

- На самом деле все очень просто - Розмэйн продает Эльвире свои рецепты сладостей для чаепитий, на которых происходит самый большой обмен сведениями между их участницами. По ее словам, вполне естественно исследовать предпочтения своих клиентов, чтобы продавать им то, что они хотят купить. Это больше похоже на отношение торговца к жизни, но изучение пристрастий тех, с кем он собирается вести переговоры, - это навык, которому должны обучиться даже дворяне. Она использует все возможные средства манипуляции, чтобы продать мне самые дорогие рецепты, - произнес Фердинанд ровным голосом, как будто рассказывал какую то не стоящую внимания мелочь.

Не все поймут, что он на самом деле имел в виду, раз уж он так сухо это сформулировал, но на самом деле он говорил, что Розмэйн обладает талантом использовать предпочтения людей в переговорах. Экхарт давно знал Фердинанда и прекрасно понимал, насколько тот требователен к себе и другим, поэтому это заявление было чрезвычайно высокой похвалой.

- Я действительно не ожидал, что вы доверите приготовления всех наших блюд на весеннем молебне личному повару Розмэйн, Лорд Фердинанд - неважно, насколько необычны используемые рецепты.

- Я доверил ей совсем не все блюда. Я предложил повару Розмэйн помощь моих поваров, чтобы облегчить ее бремя, но она отказалась, сказав, что это явно задумано, чтобы бесплатно вызнать ее рецепты. Не имея другого выбора, я ограничился лишь предоставлением продуктов, - сказал Фердинанд недовольным тоном, откусывая кусочек печенья. Но он совершенно упустил из виду на что именно намекал Экхарта.

- ...Скорее, меня удивляет тот факт, что вы относитесь к приготовленному ей как будто в них совершенно не может быть яда.

Во всех случаях, кроме самых экстраординарных, аристократы не позволяли своим поварам общаться друг с другом, опасаясь, что их еда будет отравлена. Фердинанд был осторожным человеком, и он больше, чем кто-либо другой, всегда проявлял осмотрительность в этом отношении. И все же он доверял Розмэйн - настолько, что трудно было поверить, зная его обычное отношение к этим вопросам. Она, конечно, ела первой, чтобы продемонстрировать отсутствие яда, но Экхарту и в голову не приходило, что Фердинанд тоже начнет есть, не попросив своих слуг провести дальнейшие пробы на яд.

То же самое можно было сказать и о печеньях, которые они ели прямо сейчас; то, что он стал есть их после того, как она насильно вложила их ему в руки, зная, что он будет подавать их гостю и, следовательно, должен будет сначала попробовать их первым самолично, в качестве доказательства отсутствия яда, Фердинанд никогда бы не совершил подобного в прошлом. Это было чем то немыслимым.

- Я несколько встревожен, так как не понимаю, почему вы так доверяете ей, Лорд Фердинанд.

Экхарту потребовалось очень много времени, чтобы завоевать доверие Фердинанда, поэтому он немного ревновал, видя, как быстро с этим справилась Розмэйн.на чем основано подобное доверие к ней? Что делало их такими разными? Экхарт размышлял над этими вопросами весь весенний молебен, но так и не нашел на них ответов.

Розмэйн со стороны казалась не более чем обузой для Фердинанда, будь то ситуация в Хассе, ее слабое здоровье или все трудности, возникшие во время сбора ингредиентов. И все же, несмотря на то, что он кривился и жаловался каждый раз, когда она создавала проблемы, Фердинанд, казалось, действительно наслаждался общением с ней. Он регулярно находил время, чтобы проверить ее, почти как если бы он наблюдал за ростом драгоценного растения, и при малейшей надобности давал ей дорогие зелья. Хотя это могло показаться нормальным, учитывая его положение в качестве ее опекуна, любой, кто знал Фердинанда, был бы просто потрясен. По крайней мере, он вел себя совсем не так, как тот человек, которого знал Экхарт.

- Почему я доверяю Розмэйн, хм... прежде всего потому, что она выросла в храме и не обладает склонностью к обману присущими чистокровному аристократу. Но кроме этого есть много другого, что я видел своими собственными глазами. Я не могу говорить об этом здесь, но достаточно сказать, что я со временем полностью убедился в ее надежности.

Когда Фердинанд сказал, что она “выросла в храме”, он сделал это с пониманием того, что Экхарт знал правду. Другими словами, он говорил, что доверяет Розмэйн, потому что она простолюдинка, а не дворянка. Экхарт увидел в этом достаточную разницу между собой и Розмэйн, чтобы найти в этих словах ответ на мучившие его вопросы.

- Лорд Фердинанд, прибыл достопочтенный Лорд Карстедт, - объявил Ласфам, вводя Карстедта в комнату.

С тех пор как Экхарт женился и переехал, он редко возвращался в свой родовой дом без приглашения, и это был первый раз, когда он за довольно долгое время видел своего отца вне рыцарского ордена.

Карстедт поздоровался с Фердинандом, занял предложенное ему место и посмотрел на сына.

- Экхарт, я еще раз благодарю тебя за помощь, - сказал он, имея в виду его работу телохранителем во время весеннего молебна.

- Это мелочь. Я просто рад, что мне снова представилась возможность поработать с Лордом

Фердинандом. Пожалуйста, продолжай присылать мне любые подобные задания.

Эти слова исходили от самого сердца. Экхарт был освобожден от своих служебных обязанностей, когда Фердинанд вошел в храм, а это означало, что он больше не мог следовать за ним. Ему разрешалось сопровождать Фердинанда только тогда, когда он возвращался в замок по официальным делам, но даже тогда ему было приказано не исполнять свои обязанности в присутствии Вероники, матери эрцгерцога.

Теперь, когда Вероника была арестована и он был одним из опекунов Розмэйн, Фердинанд мог открыто приходить в замок, хотя ему было разрешено посещать его только по причинам, связанным с Розмэйн. Экхарт же настолько был рад просто возможности сопровождать Фердинанда, что он даже был готов присоединиться к религиозным ритуалам, таким как весенний молебен под видом защиты своей младшей сестры ради успокоения своего отца.

Фердинанд достал два магических инструмента, блокирующих звук, и положил их на стол.

- Пожалуйста, возьми этот.

Сбор ингредиентов для Розмэйн проводился в тайне; его можно было обсуждать только с использованием магических инструментов, даже находясь в поместье Фердинанда.

- Итак, - начал Карстедт, - была ли Розмэйн столь же успешна в этом сезоне, как и зимой?

- Да. Это был ужасный опыт для нас всех, но сам сбор увенчался огромным успехом.

Фердинанд описал Карстедту неприятные и довольно загадочные события, которые произошли в ночь Флютрейна. Там было уничтожение тальфрошей, совершенное накануне, похищение высокого зверя Розмэйн глубокой ночью, барьер маны, который не позволял людям пройти через него, сияющие шары маны, плавающие под красным лунным светом, подношение песен Розмэйн, заставившей расти райрины, сбор нектара и то как с утренним солнцем все это прекратилось.

Экхарт рассказал о том, как они видели, как лист съежился под ногами Розмины, когда она смотрела в небо, и как Фердинанд бросился вперед на своем высоком звере, чтобы подхватить её, прежде чем она упала бы на землю.

Фердинанд поморщился и сказал, что, оглядываясь назад, ему не нужно было так торопиться, спасать ее. Человек произнесший эти слова совсем не походил на того Фердинанда, который сопротивлялся сжимающимся листьям, снова и снова бил своей маной по истончающемуся барьеру, пока тот не разбился вдребезги, а затем на максимальной скорости кинул вперед своего высокого зверя.

Экхарт удивленно заморгал, а Фердинанд, нахмурившись, сделал глоток чая.

- Падение в родник нисколько не повредило бы Розмэйн; она упала в него накануне, когда мы охотились на тальфрошей, и выбралась оттуда невредимой, - сказал он с недовольным видом. - Ты помнишь, как она сказала, что вода была странно приятной для тела и позволяла дышать в ней? Она бы не умерла, упав в него. Родник защитил бы ее.

Этого было достаточно для Экхарта, чтобы сложить все кусочки вместе. Он чувствовал себя неловко из-за того, что накричал на Розмэйн, требуя чтобы она использовала своего высокородного зверя, когда, в конечном счете, ей это было не нужно.

- Мы не знаем, Лорд Фердинанд, защитил бы её родник при падения с такой высоты. Я по-прежнему считаю, что поймать ее было лучшим решением, - сказал Экхарт.

Услышав это, Карстедт скрестил руки на груди и тяжко нахмурился.

- Это... ненормально. Я никогда не слышал ни о чем подобном.

- Действительно. Это была ночь, которая не может быть объяснена на основе того что мы знаем о мире. Кроме того, есть нектар, собранный из райринов которые вырастила своей манной Розмэйн. Он обладает многими неожиданными для своего вида свойствами. Прежде всего...

И Фердинанд принялся подробно рассказывать о собранном нектаре. То, что они собрали в ночь Флютрейн, по-видимому, значительно отличалось от нектара, который Юстус собрал в другой день.

- Емкость нектара по отношению к мане совершенно ненормальна, вероятно, из-за огромного количества маны, которая собралась вокруг райринов у ключа в ту ночь. Мало того, что в нем значительно больше маны, чем в нектаре, который принес нам Юстус, чистота элемента Воды поразительна - я даже не могу прочувствовать в нем никаких других элементов.

Вдобавок ко всему, несмотря на повсюду распространенное знание того что материалы, окрашенные чужой маной, могут быть использованы только окрасившим их человеком, Фердинанд обнаружил, что может пересилить и перекрасить нектар райрина, который создала и добыла Розмэйн. Он постарался подчеркнуть этот факт, и в его голосе послышалось волнение, когда он дал понять, что это открытие потенциально может опрокинуть устоявшуюся систему знаний, преподаваемую в Королевской академии.

Но если Фердинанд был в некотором роде ученым - исследователем, то Карстедт был рыцарем до мозга костей. Другими словами, он не был особенно заинтересован в этом нюансе. Он кивнул выслушав объяснение, но его равнодушие к открытию было очевидно.

Каков отец, таков и сын... - подумал Экхарт. Он воздержался от каких-либо слов, так как ему нравилось видеть Фердинанда таким восторженным, но и его подобные исследования совсем не интересовали.

С другой стороны, Юстус, будь он здесь, скорее всего, из – за волнения уже сидел бы на самом краешке стула.

- Мне чрезвычайно любопытно узнать, является ли нектар особенным из-за того, что он был собран в ночь Флютрейна, или из-за маны Розмэйн. Я также хотел бы провести дальнейшие исследования влияния ночи Флютрейна на купальню богинь, но не только барьер препятствует входу мужчин, но и мана там, похоже, оказывает психологическое влияние на тех, с кем она вступает в контакт, - с сожалением сказал Фердинанд, приходя к печальному выводу, что эта попытка была бы неоправданно сложной для исполнения.

Карстедт понял, что это хороший момент для продолжения разговора, и посмотрел на Экхарта, который кивнул в ответ. Их молчаливое общение было успешным - они оба хотели сменить тему.

- Понятно, - сказал Карстедт и быстро продолжил. - Я думаю об этом каждый раз, когда вы передаете один из своих отчетов, но когда речь заходит о сборе ингридиентов Розмэйн это просто один сюрприз за другим. Я был особенно удивлен, узнав, что она использовала копье Лейденшафта в качестве оружия во время охоты на шнестурма. Я знаю, что у рыцарского

ордена нет оружия, подходящего для кого-то с ее способностями в мане, но я никогда бы не подумал, что одно из сокровищ украшавших храм может быть использовано таким образом. И уж конечно, я никак не ожидал, что оно способно на подобный мощный удар, - задумчиво произнес он, поглаживая усы.

Естественно, тот факт, что Розмэйн смогла дать всему рыцарскому ордену благословение от Ангриффа, Бога Войны, сам по себе был поразительным деянием. Но Экхарт уже столько раз получал ее благословение, что копье Лейденшафта произвело на него гораздо большее впечатление. Шнестурм бушевал посреди такой сильной снежной бури, что та виделась сплошной белой стеной, и после одновременной атаки Ордена, чтобы ослабить зверя, с неба метнулась тоненькая полоска голубого света, что уничтожила демонического зверя одним махом.

- Я тоже был восхищен этим сияющим синим копьем. Знали ли вы, Лорд Фердинанд, что божественный инструмент храма может выдержать подобное применение в битве?

- В храме каждого герцогства есть набор магических инструментов, называемых божественными инструментами, и я нашел древние записи, которые подробно описывают их использование в практических целях. Магические инструменты могут быть использованы любым, кто окрашивает их своей маной, и поскольку Розмэйн не может использовать штаппе, я подумал, что копье будет для неё идеальным оружием, - объяснил Фердинанд. Эти знания вероятно были доступны только настолько же заядлым читателем книг, как и он; он перекопал все доступные тексты, чего явно не сделал бы ни один нормальный человек.

Карстедт кивнул, впечатленный не меньше Экхарта.

- Но хотя вы можете истолковать то как оно проявило себя во время битвы с шнестурмом как доказательство того, что копье - мощное оружие, божественные инструменты, безусловно, не очень удобны в обращении. Вы не можете использовать их как личное оружие, не наполнив их до краев ошеломляющим количеством маны, и из-за невыполнимого требования они лучше всего служат в качестве оружия на один раз. Их нельзя даже сравнивать с личным оружием, которое можно создать из штаппов.

Фердинанд обозначил копье как оружие, которое требовало просто тонны маны для использования, что было его окольным способом сказать, что Розмэйн имела ошеломляющее количество маны. Она была простолюдинкой с Пожирателем, которая сумела дожить до своего крещения, и тем не менее она обладала столь большим объемом магической силы. Само ее существование было аномалией.

- Кстати, я слышал, что Розмэйн участвовала в каком то ... совершенно безжалостной распродаже в замке, чтобы оплатить за фей камень шнестурма. Что случилось с выделенными е средствами, раз ей пришлось пойти на это? - Спросил Карстедт.

Розмэйн регулярно перемещалась между замком и храмом, но поскольку она обычно проводила больше времени в последнем, Фердинанду было поручено управлять ее бюджетом. Средства, необходимые для оплаты задействования рыцарского ордена, уже были рассчитаны и выданы, и все же Розмэйн усердно трудилась, чтобы заработать свои собственные деньги.

- Розмэйн вбила себе в голову, что всякий раз, когда ей нужны деньги, она должна зарабатывать их сама. Она даже не рассматривает никаких иных вариантов. Когда она привела новых слуг, я сказал ей, что Сильвестр и вы покроете расходы, но вы сами видите, к чему это привело.

Когда Фердинанд сказал ей, что её отцы заплатят за слуг, Розмэйн немедленно попыталась заработать денег, чтобы вернуть имеющийся по её мнению долг. Экхарт пришел к выводу, что очень странное представление его младшей сестры о том, как работают деньги, объясняется тем, что она выросла простолюдинкой.

- Она, кажется, твердо решила зарабатывать деньги для себя, она абсолютно непреклонна в том, чтобы быть финансово самодостаточной. Возможно, она просто любит зарабатывать деньги. На данный момент я решил оставить ее в покое; ее действия развивают торговлю и ремесла Эренфеста и стимулируют движение внутри политических фракций. Тем не менее, я считаю необходимым вмешиваться, когда она продает несанкционированные изображения, имеющие сходство с каким либо человеком.

- А…Эти – Произнес Карстедт с кривой, саркастической улыбкой

Разумеется, речь шла о полном комплекте из трех конкретных иллюстрациях, которые принадлежали Эльвире, Юстусу и Экхарту. И Эльвира, и Экхарт сокрушались, что никогда больше не увидят таких картин от этого великолепного художника.

- Забегая вперед, мне кажется, что она посвятит себя книжному производству, а не иллюстрациям. Она всегда была нацелена на книги, и они будут больше продаваться среди благородных детей, - сказал Фердинанд с явным облегчением. Но вскоре выражение его лица сменилось гримасой, и он начал постукивать себя по вискам.

- Что-то случилось, Лорд Фердинанд?

- Я опасаюсь будущего. Количество детей, которые купят книги в качестве учебных материалов конечно, и как только одна книга была куплена, она может быть использована несколькими братьями и сестрами. Несомненно, в будущем родится еще больше детей, но её продажи будут не очень то и быстро расти. Либо она переключится на изобретение новых товаров, либо провернет какую-нибудь нелепую схему увеличения существующих продаж… Как бы то ни было, она обязательно сделает что – нибудь что вызовет очередной приступ головной боли.

- А что именно она может сделать?

- Если бы я знал, то не было бы причин для беспокойства. Почти невозможно предсказать, какие идеи породит ее безумный разум, - сказал Фердинанд, пытаясь вспомнить прошлые слова и поступки Розмэйн в поисках каких-либо подсказок.

- Она что-то говорила о том, что просила своих Гутенбергов усовершенствовать печатный станок, но что еще? Что-то о желании продолжить эксперименты с бумагой… Это напомнило мне - она встречалась с Гибом Иллгнером зимой и намерена посетить его провинцию в течение следующих нескольких лет, согласно отчету Рихарды. Неужели это все? Произойдет ли в Иллгнере неизбежная катастрофа?

Вот это то, что я называю хорошей памятью, - подумал Экхарт про себя, как всегда впечатленный. Но Карстедт покачал головой.

- До этого вам еще далеко, вам больше стоит беспокоится о летнем сборе ингредиентов. До сих пор во время каждой попытки сбора происходило что-то неожиданное, и я сомневаюсь, что летом все пойдет по-другому. Вы уже решили, куда поедете - на гору Лохенберг или на гору Бальшмиде?

Фердинанд поморщился, нахмурив брови.

- Гора Балльшмиде была бы более безопасным выбором, но только гора Лохенберг имеет ингредиент, который будет соответствовать качеству того, что мы собрали до сих пор. Я намерен приобрести яйца ризефальке.

...Хм, Гора Лохенберг?

Ризефальки были гигантскими белыми фей зверями, а точнее демоническими птицами которые своим видом успокаивали гнев Лейденшафта, Бога Огня. Они были довольно сильны, и красть их яйца нужно было очень быстро. Сможет ли Розмэйн со своей неуклюжестью провернуть это? Им нужно было действовать быстро и сохранить жизни как можно большего количество обитающих на горе этих фей зверей, иначе на них падет гнев Лейденшафта. В прошлом Юстус подвергнул их всех большой опасности, украдя слишком много яиц, заставив Фердинанда использовать несколько ценных фей камней, чтобы спасти их жизни.

В любом случае одно Экхарт знал наверняка: летний сбор не пройдет мирно и спокойно.

Дорогие читатели, несомненным фактом является то, что сервис поиска ошибок на рулейте значительно уступает таковому на Фикбуке с его "Публичной бетой". Если вы решили уделить немного своего времени и сил "поимке блох", пожалуйста, указывайте предложение с ошибкой целиком, это намного упростит мне поиск и последующее исправление. Я ведь все таки не редактор и в мои функции подобная работа не входит.

http://tl.rulate.ru/book/6509/1323574